

Сергей Солоух
В звоне каждого дня, как я счастлив,
что нет мне покоя!

Я твердо и давно уверен, что «Похождения бравого солдата Швейка» — одно из самых непонятых произведений мировой литературы. Причем не только многочисленными читателями и почитателями, но и собственно творцом, одним единственным, Ярославом Гашеком. Это вовсе не оставшаяся без завершения веселая история одной сверхъестественно везучей «скотины», это вполне законченная и довольно грустная история несчастливого, вчистую проигранного противостояния этой «скотине».

И проигравший вовсе не один из карикатурных, уродливых и безобразных созданий, размножающихся, как амебы, в биологическом растворе гашековской эпопеи простым делением. Терпит поражение человек. Человек с симпатией и явной благосклонностью выписанный автором. Поручик Лукаш.

Представляя офицера в середине первой части, Гашек называет его «славным». И тут же добавляет, что пан поручик

«пользовался расположением солдат, так как был на редкость справедлив и не имел обыкновения придира-
ться».

Унгеры дрожали перед ним. Из самого свирепого фельдфебеля он в течение месяца делал агнца.

Накричать он мог, но никогда не ругался. Выбирал слова и выражения.

— Видите ли, голубчик, право же мне не хотелось бы вас наказывать, но ничего не могу поделать, потому что от дисциплины зависит боеспособность армии...»

Никакой иронии, столь свойственной будущему комиссару Богульмы. В самом деле, благородный офицер, спаситель Родины, протомаршал Манергейм, слуга царю, отец солдатам, который «родился в деревне среди темных лесов и озер южной Чехии и сохранил черты характера крестьян этой местности».

Верность, честность, чувство справедливости и убежденность в том, что добро непременно побеждает зло. Готовый с этим злом бороться, воспитанный для этого. Князь графа Толстого. Но только извлеченный из контекста эпохальной драмы и брошенный в контекст эпохального фарса, как маленькая рыбка — жареный карась.

Фарса поразительного и неповторимого, в котором, как в мистическом сказании, контекст, его носитель и производитель едины. Необыкновенный гений Гашека в виде Йозефа Швейка не образ произвел на свет, не персонаж и не характер, а некий сущностный выразитель самой жизни-железки, во всей ее чудовищной и повседневной бессмысленности, нелогичности, убогости, но несомненной всепобеждающей стойкости и стопроцентной неумолимости. Вот отчего простое, как чистка ногтей или сапог, выправка или оправка, сединение офицера и денщика, приобретает общегражданский, общечеловеческий и даже философский аспект испытания, проверки идеала жизнью.

Век-денщик буквально кидается на плечи Индржиху Лукашу. И после этого уже бессилен и сам автор. Чтобы он не видел в магический кристалл, какие бы не намечал себе задачи, цели, текст, набрав критическую массу элементов, начинает жить независимо от воли создателя, по своим собственным законам, превращая своего собственного творца в простого регистратора того, что неминуемо.

И что же фиксирует Гашек, развертывая уже основной корпус романа, части со второй по третью?

Гашек фиксирует неизбежное. Бесперывные и безуспешные попытки человека и офицера отделить себя от скотства и скотины. Движение от пафоса и гордости, достойных пана поручика, часть II, глава 1.

«Плевать мне на все, — блеснуло у него [Лукаша] в голове, — и на Швейка и на лысого генерал-майора. Сидеть спокойно, в Будейовицах сойти с поезда, явиться в казармы и отправиться на фронт с первой же маршевой ротой. На фронте подставить лоб под вражескую пулю и уйти из этого жалкого мира, по которому шляется такая сволочь, как Швейк».

К смирению. Через главы и главы сотканые и составленные из многообразных и безуспешных попыток избавиться от Швейка, от судьбы-индейки с круглым брюшком и солдатскими добрыми глазами, начиная с Будейовиц и заканчивая Кираль-Хидой, между Мостом над Литавой и Сокалем. Повесить, осудить, перевести в другое подразделение, из револьвера застрелить, сдать на губу пожизненно, подбросить, обменять, просто забыть.

«...он[Лукаш] не сдержался, и вся злость, накопившаяся за последние дни, вылилась в страшном ударе кулаком по столу. Чернильница подскочила и залила чернилами ведомость на жалованье. Одновременно с чернильницей подскочил поручик Лукаш и, приблизившись вплотную к Швейку, заорал:

— Скотина!»

Но чуда не происходит. Названная своим именем, сопутствующая в реальной жизни и князю, и офицеру нечесть не исчезает. От точного определения, убийственной идентификации не испаряется, как в апокрифе от крестного знамени. Абсурд реального устройства жизни неубиваем и вездесущ, как и его носитель, родитель и производитель.

«Поручик Лукаш сел на койку военного писаря и хриплым голосом крикнул:

— Когда же этому придет конец, Швейк?

Швейк, сделав вид, что недослышал...»

Что? Продолжил. Конечно же, продолжил. Входящее без исходящего, вопросы без ответов — это и есть судьба. И все попытки не выпить дрянь до дна лишь приближение к чаше. Путь к унижению и безнадежности, позорных и недостойных даже в простейшей иерархии взаимоотношений подчиненный-командир. Часть III, глава 3.

«Вообще все на свете вдруг показалось ему [Лукашу] таким гнусным и отвратительным, что он почувствовал потребность напиться и избавиться от мировой скорби».

Он вышел из вагона и пошел искать Швейка.

— Послушайте, Швейк,— обратился он к нему,— вы не знаете, где бы раздобыть бутылку коньяку?»

Спаситель Родины, благородный офицер, протомаршал Манергейм, слуга царю, отец солдатам, больше не князь. Он поднимает руки. Он разрешает триединой сволочи его обнять. Принять и обслужить. Толстой, сам того не ведая, сдается на милость ничего не подозревающему Гашеку. А просто закон работает. Закон величия в прозе — фарс перемалывает драму, потому что ближе к нему, к идиотизму жизни. Точнее отражает правду-матку. Вот уж действительно, всесильный, потому, что верный.

И что же теперь Лукаш, там, где все не так уж мило, где — сковорода? Внимает. Слушает покорно, маршируя по Галиции, все то, что еще недавно бесило, возмущало и буквально выводило из его из себя. Триумф и скотства, и скотины. Часть III, глава 4.

Поручик Лукаш ехал верхом на коне, а рядом с ним бодро шагал Швейк. ... По обыкновению, он рассказывал:

— Вы заметили, господин обер-лейтенант, что некоторые из наших людей ровно мухи.

Издавается. В грош не ставит. А ведь это о той самой жизни, которой жил поручик, о тех самых солдатах, расположением которых Лукаш пользовался. «Заботился о своей роте, поудобнее расквартировывая ее по сараям, и, часто платя из своего скромного жалованья, выставлял солдатам бочку пива».

А еще Индржих Лукаш «любил, когда солдаты на марше пели песни. Они должны были петь, идя на учение и с учения. Шагая рядом со своей ротой, он подтягивал:

А как ноченька пришла,
Овес вылез из мешка».

Но век-денщик одолел и благородство, и роматику, и даже чистое, природное золото — овес родимый Южной Чехи и ноченьки ее прозрачные со звездами и девушкой-луной. Взял свое решительно и навсегда. И запихнет, уж не беспокойтесь, человека и офицера, как шапку, в рукав жаркой шубы сибирских степей. И если бы творец управлял художественным текстом, а не законы художественного текста творцом, то так бы оно и вышло. Довел бы Гашек Индржиха Лукаша, спасителя Отечества, протомаршала, благородного рыцаря, до Иркутска и заставил там наигнуснейшим образом обменять адмирала, такого же спасителя Отечества, слугу народа и офицера на золото. А перегрузкой ящиков вполне мог ведать пехотинец Швейк. Бесконечно добрый, как сама жизнь, и беспредельно подлый, как она же, ласточка-касатка.

«Жизнь человеческая вообще так сложна, что жизнь отдельного человека, осмелюсь доложить, господин поручик, ни черта не стоит».

Но химия правильного, и главное, правдивого соединения слов, не дает уже автору шанса остановить движение, начало и конец которого предопределено верным набором исходных компонентов. Логика текста, роман перевоспитания, а именно это, и написал, сам того никак не ожидая, Ярослав Гашек, исчерпывается в момент, когда главный герой не просто смиряется, а входит в контекст. Становится его частью. И добавить к этому уже нечего, как бы не хотелось.

Гениальная книга.